

Из поэтов-лириков последних десятилетий XVIII века только Державин и Капнист продолжали свою поэтическую деятельность в новом столетии. Карамзин занялся историей; Дмитриев после собрания стихотворений 1805 года почти ничего не добавил к созданному ранее. Капнист же сумел найти свое место в поэзии новой эпохи — и уже это должно было бы заставить историков литературы повнимательнее присмотреться к его творчеству начала XIX века.

«В творениях Державина ярко отпечатлелся русский XVIII век»,¹ — писал Белинский. В самом деле, в державинской поэзии русская жизнь впервые отразилась в такой исторической конкретности. Недаром сам поэт уже в начале XIX века почувствовал непонятность многих намеков в своих одах 1780—1790-х годов для новых поколений читателей и продиктовал «Объяснения» к своим стихам. То, что в свое время составляло силу и было новаторской смелостью «Фелицы» и «Водопада», оказалось слабостью державинского творчества, когда перед русской поэзией встали новые исторические задачи.

Творчество Державина внутренне противоречиво. Предельная конкретность воспроизведения жизни и быта в их эмпирической данности, в их живописно-выразительном цветовом и красочном воплощении сочетается у Державина с отвлеченным, внеисторическим, просветительским пониманием общественного человека. Человек как индивидуум, человек частный и человек общественный, сущее и должное, вельможа, каков он есть (Потемкин), и вельможа, каким он должен быть (идеал!), в творчестве Державина противостоят друг другу, между ними нет ни логического ни (что более важно) исторического перехода. Таким образом, основное противоречие передовой просветительской мысли XVIII столетия, противоречие между гражданином и человеком, между стоическим подчинением частных интересов общему благу и разгулом чувственности и индивидуалистического эгоизма именно в поэзии Державина нашло свое наиболее полное и художественно совершенное выражение.

Опыт Великой буржуазной французской революции 1789—1793 годов и последовавших за нею событий в политической жизни Европы привел Державина к пониманию того, что в современных исторических условиях стихия частного бытия равноправна, а может быть, и более значительна, чем мир идеальной гражданственности, которому ранее он пытался подчинить

¹ В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. VI, Изд. АН СССР, М., 1955, стр. 620.